

Въ святемъ писаніи какъ зримъ,
Принесъ ему благодаренье:
Мы онаго во изъявленіе
Спасителемъ ти чтемъ своимъ.

Дополненіе къ статьѣ о преосвященномъ Веніаминѣ, помѣщенной въ „Рижскихъ Еп. Вѣдом.“ 1894 г. и перепечатанной въ № 19 „Астрах. Епархіальныхъ Вѣдомостей“ 1895 года.

Рижскій біографъ преосвященнаго Веніамина ограничился, повидимому, только тѣмъ, что внесено въ послужной списокъ преосвященнаго Веніамина, да краткою характеристикою его служебной дѣятельности въ Рижской епархіи, затѣмъ въ семинаріи, въ санѣ викарнаго архіерея и наконецъ въ санѣ епархіальнаго архіерея, преемствовавшаго высокопреосвященному Платону. О дѣятельности архимандрита Веніамина въ Астраханской духовной семинаріи его Рижскому біографу „ничего не извѣстно“, кромѣ того, что ему Высочайше пожалованъ тамъ орденъ св. Анны 2-й степени.

Пишущій эти строки имѣлъ высокую отраду въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ быть ближайшимъ сотрудникомъ преосвященнаго Веніамина, въ бытность его ректоромъ Астраханской д. семинаріи, и встрѣчалъ его, и проводилъ его; затѣмъ, въ бытность его въ Перми, въ Ригѣ, велъ съ нимъ братскую переписку до послѣдняго дня его жизни (послѣднее письмо изъ Астрахани прочтено ему ключаремъ о. прот. Варницкимъ за часъ или менѣе того до его блаженной кончины). Потому для меня широкая возможность не только восполнить неизвѣстное Рижскому біографу, но даже не скудно иллюстрировать сказанія ему подручныя — о дѣятельности покойнаго преосвященнаго въ Ригѣ въ качествѣ викарнаго, а потомъ самостоятельнаго епархіальнаго архіерея по его письмамъ. На первый разъ впрочемъ слѣдуетъ ограничиться восполненіемъ пропущеннаго, Рижскому біографу неизвѣстнаго, а для читателей „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ имѣющаго самый живой интересъ.

Вумага о назначеніи архимандрита Веніамина на должность ректора Астрах. дух. семинаріи получена, должно быть, въ послѣднихъ числахъ декабря 1859 года. Предмѣстники его жили и питались просторно въ настоятельскихъ покояхъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Но послѣдній изъ нихъ, архимандритъ Никонъ, уволенный отъ училищной службы, сохранилъ за собою настоятельство въ этомъ монастырѣ. Новому ректору такимъ образомъ тамъ мѣста не было. Въ полураззоренныхъ семинарскихъ зданіяхъ была свободною одна только безобразная наставническая квартира изъ трехъ ободраныхъ грязныхъ каморъ. Въ качествѣ заступающаго мѣсто ректора я пошелъ объяснить владыкѣ Афанасію о затрудненіяхъ принять и водво-

рить новоназначеннаго ректора. „Нечего дѣлать, сказалъ владыка, на первый разъ помѣсти его, гдѣ можешь! но когда прибудетъ, скажи ему: я дамъ ему монастырь, въ которомъ онъ будетъ имѣть всѣ удобства“.—Въ городскомъ Иоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, за перемѣщеніемъ инспектора Геронима Гепнера въ Кишиневъ, вакансія настоятеля была праздною.

Ректоръ прибылъ въ Астрахань, должно быть, числа 15 февраля 1860 года. То было предъ высекоторжественнымъ праздникомъ. Архіерей служилъ въ домовою церкви. Туда мы отправились вдвоемъ (мнѣ назначено было прочесть очередную проповѣдь). Послѣ молебна оставилъ я ректора, который за почетными посетителями потянулся въ пріемный залъ. Владыка встрѣтилъ его сухо, а на благодарность за переданное ему отъ лица владычняго обѣщаніе отвѣчалъ непривѣтливо. Вечеромъ въ тотъ-же день подѣлился ректоръ со мною своимъ разочарованіемъ. Я, конечно, угадалъ, откуда подулъ вѣтеръ. То—домогательство бывшаго инспектора Геронима Гепнера. Навелъ я надлежащія справки, удостовѣрился, что получена изъ Кишинева слезничка. Обладателю секрета я отвѣчалъ, что если Гепперъ воротится, я первый объявлю, кому слѣдуетъ вѣдать, сколько зла натворилъ и можетъ патворить здѣсь этотъ человѣкъ. Предостереженіе дошло по адресу; послѣдовало порученіе отвѣчать Кишиневскому прѣвителю, что по измѣнившимся обстоятельствамъ просьба не можетъ быть исполнена.

Болѣе мѣсяца новому ректору жилось слишкомъ тѣсно во всѣхъ отношеніяхъ. Къ архіерею онъ не являлся, даже служебнаго повода къ тому не имѣлъ. Наконецъ-то послѣдовало владычье предложеніе консисторіи о назначеніи ректора настоятелемъ Ивановскаго монастыря и дано личное благословеніе новому настоятелю. А затѣмъ многоученый владыка, съ утра до вечера проводившій время въ своей громадной библиотекѣ, чуть не каждый вечеръ отправлялъ верховаго на другой край города за ректоромъ и каждый разъ знакомилъ его съ результатами своихъ ученыхъ изслѣдованій почти до полуночи. Ректоръ по пути заѣзжалъ то къ эконому въ семинарію, то ко мнѣ на квартиру отдохнуть.

Въ семинаріи послѣ переселенія ректора въ монастырь случились дватри неблагополучія, — и крупнаго свойства. Ректоръ, освоившись съ владыкою, осмѣлился доложить въ добрую минуту, что пастойтъ нужда замѣнить и. д. инспектора настоящимъ. — „Кѣмъ-же?“ — Да вотъ вы каждый разъ въ случаяхъ нужды поручали исправленіе должности инспектора и ректора священнику Покровскому; заключаю изъ этого, что онъ пользуется вашимъ довѣріемъ предпочтительно. — „Противъ этого не имѣлъ-бы ничего; да онъ священникъ, а на это мѣсто я желалъ-бы монаха“. — Ждать назначенія свыше не безопасно. — „Что-же настоящій исправитель?“ — Онъ — человѣкъ умный, весьма способный и даже многоученый, но для этой должности непригоденъ. — „Ну — дѣлай, какъ по твоему лучше“. На другой-же день

пошло представлѣніе, съ утвержденія владычяго, въ Академическое Правленіе. Утвержденіе не замедлило. Въ окружномъ Академическомъ предписаніи не было обозначено: какіе предметы обязанъ преподавать новый инспекторъ. Ректору хотѣлось предоставить мнѣ нѣкоторую льготу послѣ подвиговъ по части семинарской словесности 8-лѣтнихъ и одолѣнія противораскольнической науки (4 года), и вотъ оны формулировалъ опредѣленіе объ оставленіи меня въ качествѣ помощника ректору по профессорской части. Но Академическое Правленіе вслѣдъ затѣмъ указало инспектору быть преподавателемъ Св. Писанія. Послѣ одолѣнія въ 12 лѣтъ полдюжины разнокалиберныхъ наукъ, новый предметъ требовалъ новаго и усиленнаго труда. Но ректоръ самъ въ Ригѣ преподавалъ этотъ предметъ и передалъ мнѣ не скудный запасъ нѣмецкихъ экзегетовъ и два-три латинскихъ фоліанта съ комментаріями на Новый Заветъ по греческому тексту, какихъ въ семинарской библиотекѣ не было.—И для другихъ педагоговъ ректоръ Веніаминъ былъ всегда готовымъ и радушнѣйшимъ пособникомъ.

Правленіемъ ректора Веніамина слѣдуетъ, по моему мнѣнію, озаглавить начало новой исторіи въ жизни Астраханской семинаріи. Съ его времени и именно подъ его личнымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ въ ученикахъ Астраханской духовной семинаріи проявилась, за весьма рѣдкими исключеніями, небывалая прежде 1) любознательность, охота къ чтенію и 2) впоследствии—стрѣмленіе къ высшему образованію.

Единственный за время ректорства Веніамина въ Астрахани составъ учениковъ, окончившихъ курсъ, былъ еще прежняго закала. Потому изъ многихъ очень даровитыхъ студентовъ съ трудомъ можно было убѣдить къ поступленію въ Академію хоть одного (Астраханская семинарія имѣла право назначать двухъ кандидатовъ: одного хотя съ начатками знанія калмыцкаго языка, другаго съ таковою-же аттестаціею по татарскому). Въ данномъ случаѣ всѣ, кромѣ одного, отреклись отъ знакомства даже съ букваремъ этихъ языковъ; но одинъ, возросшій на Кавказѣ и владѣвшій даже свободно татарскимъ языкомъ разговорнымъ, воображая себя свободнымъ отъ Академической повинности, какъ снятъ военнаго священника, такъ-же отказался. Ректоръ не предъявилъ ему своего права назначить его въ Академію, какъ казеннаго стипендіата; но, спросивъ: какъ-же думаетъ онъ собою распорядиться? и услышавъ, что тотъ въ военную службу поступить, отвѣчалъ: „будешь мундирный недоучка. А пойдешь въ Академію, займешься изученіемъ восточныхъ языковъ,—какую-бы тебѣ степень конференціи ни присудила, ты будешь имѣть право поступить на полгода въ факультетъ восточныхъ языковъ и будешь зачисленъ въ какую нибудь посольскую миссію на востокъ, и будешь защищать ближнихъ всѣмъ словомъ во имя Всероссійскаго Государя. Не дури,—иди, куда указываютъ; а я или инспекторъ извѣстимъ отца, что на отеческомъ правѣ распорядились твоею личностію“. Этотъ студентъ—недавно скончавшійся генеральскій консулъ Из. Степ. Ясгребовъ.

Для возбужденія охоты къ чтенію въ два-три мѣсяца составлена нескучная по объему и отборная по разнообразію содержанію бібліотека ученическая въ завѣдываніи самихъ учениковъ. Для содѣйствія начальству семинарскому въ заботахъ объ улучшеніи быта семинаріи и училища ректоръ отыскалъ, при содѣйствіи молодаго члена Конвенторіи, почетнаго блюстителя изъ среды гражданъ рѣдкаго, можетъ быть, тогда безпримѣрнаго по развитію и направленію купца Ив. Андр. Фортакова, который въ дополненіе къ жертвамъ на улучшеніе содержанія учениковъ выписывалъ для ученической бібліотеки два большихъ учено-литературныхъ журнала по выбору и одобренію ректора.

Астраханской семинаріи грозили упраздненіемъ за неудобообитаемостію семинарскихъ зданій *) и отсутствіемъ строительныхъ суммъ у Духовно-учебнаго Комитета. Ректоръ по совѣщанію съ попечителемъ составилъ проектъ обновленія ученическихъ помѣщеній для обитанія, классовъ и проч. на 6500 р., которыя взяты заимобразно изъ капиталовъ Спасскаго монастыря безъ отдѣчи. Кориусъ передѣлалъ прочно и прилично и удобно. И такимъ образомъ ректоръ отстоялъ существованіе семинаріи для епархіи громадной по пространству и далекой отъ всѣхъ семинарій въ средней полосѣ.

Изъ учениковъ младшихъ классовъ ректоръ намѣчалъ болѣе бойкихъ или усидчивыхъ и таковыхъ пріурочивалъ къ изученію нѣмецкаго или французскаго языковъ; въ свободное время собиралъ ихъ къ себѣ и самъ репетировалъ. Одинъ изъ таковыхъ, сирота, жилъ при немъ въ монастырѣ, былъ центромъ для товарищескихъ запятій повѣйшими языками; 1-го октября текущаго года Сиб. университетъ праздновалъ юбилей его (В. Д. Смирнова) 25-лѣтней службы профессорской **). И такъ ихъ изъ Астраханской семинаріи много разошлось въ Кіевскую, Казанскую, С.-Петербургскую Академіи и въ университеты, особенно съ 1867 г., когда университетенія двери настежь распахнулись семинаристамъ.

Недолго (1859—1862 гг.) послужилъ здѣсь, въ Астрахани, покойный пресвященныи Веніаминъ, но за то много сдѣлалъ на пользу Астраханской духовной семинаріи.

Протоіерей Гр. Покровский.

*) М. П. Погодищъ, посѣтившій Астрахань въ 1861 году, пишетъ слѣдующее: „Что сказать объ учебныхъ заведеніяхъ, на которыя впрочемъ пришлось мнѣ взглянуть только мимоходомъ: гимназія очень стѣснена, и ученикамъ негдѣ прогуляться; семинарія почти въ развалинахъ. Долго искалъ я ея, хотя она находится подлѣ Кремля, и изъ пяти встрѣчныхъ мнѣ пѣшиходовъ никто не могъ показать мнѣ ни ея, ни гимназіи: такъ видно мало извѣстны онѣ въ народѣ“. („Воскресный Трудъ“ 1867 г., май, стр. 131). Н. Л.

**) Въ № 255 „Сына Отечества“ (отъ 21 сентября 1895 г.) мы прочитали краткое извѣщеніе о томъ, что „1 октября исполнится 25-ти-лѣтіе службы профессора турецко-татарской словесности д. с. с. Смирнова“, но затѣмъ ни въ упомянутой газетѣ, ни въ другихъ періодическихъ изданіяхъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣтили свѣдѣній ни о жизни и дѣятельности Василія Димитріевича Смирнова (Астраханскаго уроженца и бывшаго воспитанника Астраханской духовной семинаріи), ни о его чествованіи С.-Петербургскими университетомъ, гдѣ онъ состоитъ на службѣ. Н. Л.